

Арчил Сихарулидзе, основатель **SIKHA foundation**, принял участие в Термезском Диалоге (Termez Dialogue) по вопросам взаимосвязанности Центральной и Южной Азии под названием «Создание общего пространства мира, дружбы и процветания», который состоялся 19–21 мая в Термезе, Узбекистан.

ТЕКСТ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Центральная Азия и Грузия в новой геополитической реальности

Дамы и господа, большое спасибо за приглашение. Меня зовут Арчил Сихарулидзе, я из Тбилиси, Грузия. Я являюсь основателем научно-исследовательского института SIKHA foundation, деятельность которого сосредоточена на развитии социально-политических наук и внедрении новейших технологий в систему высшего образования страны.

Возвращаясь к теме нашего диалога — региональное сотрудничество и развитие самоуправления вне внешнего контроля со стороны сверхдержав, — хочу отметить следующее. Уверен, большинство из вас знает, что на протяжении последних двадцати лет Грузия была полностью ориентирована на западный вектор. Страна видела своё будущее исключительно в интеграции с НАТО и ЕС, практически не рассматривая остальной мир как возможную альтернативу развития и участника формирования многополярного порядка. От тоталитарной идеологии коммунизма, в которой существовала лишь одна истина — построение социализма, Грузия перешла к другой форме идеологического абсолютизма — строительству однополярного прозападного мира, в котором Тбилиси должен был всеми возможными средствами влиться в так называемый «цивилизованный мир».

И говоря об этом, я отвечаю на первый вопрос нашей конференции: в чём заключалась проблема Грузии? По крайней мере, с моей личной точки зрения. После распада Советского Союза Грузия искала великую цель — свою миссию в мире. Этой целью стал Запад. Грузия стремилась как можно быстрее вырваться из геополитической реальности советского

пространства, к которому относились не только Россия, но и Южный Кавказ, Центральная Азия, а также Китай и Индия, которых тогда не воспринимали как значимых акторов международных отношений. Складывалась устойчивая тенденция воспринимать остальной мир как второстепенный по отношению к Западу. Эта формула, увы, до сих пор сохраняется.

Если попытаться охарактеризовать внешнюю политику Грузии за последние годы, то можно сказать, что она стремилась быть добавленной стоимостью западных усилий по построению прозападного мира. Именно в этом контексте Тбилиси активно участвовал в так называемых демократических миротворческих миссиях, включая операции в Афганистане и Ираке, где по численности военного контингента Грузия занимала второе место после США.

Однако сегодня в Грузии идёт жёсткая идеологическая борьба, вызванная отходом от радикальной ориентации на Запад. Модель, на которой строилась как внешняя, так и внутренняя политика страны, начала разрушаться под натиском суровой реальности. Несмотря на все усилия и жертвы, Грузия не стала членом НАТО и не продвинулась существенно по пути европейской интеграции. Обещания «света в конце тоннеля» не сбылись.

Следует также упомянуть и так называемое стратегическое партнёрство с США, которое, по сути, ограничилось политическими комплиментами, не принеся реальных выгод: не было ни прямых авиарейсов, ни соглашений о свободной торговле, ни безвизового режима. Администрация Джо Байдена без труда приостановила партнёрство, наказав Тбилиси за политическое и геополитическое неповиновение. В результате правящая партия «Грузинская мечта» была вынуждена искать альтернативные направления развития и сотрудничества.

Результатом этого поиска стали частые визиты премьер-министра Ираклия Кобахидзе в страны Центральной Азии — Казахстан, Узбекистан, Туркменистан. Он посетил больше постсоветских стран за короткий период, чем любой другой грузинский лидер за последние двадцать лет. Ещё два года назад представить визит грузинского премьера в Центральную Азию было практически невозможно.

Кроме того, не дождавшись реальных инвестиций со стороны Запада, Грузия передала мегапроект глубоководного порта Анаклия китайским инвесторам. Это стало не столько идеологическим разворотом, сколько признанием того, что Запад больше не является единственным ключевым игроком в мировой политике. Грузия нуждается в партнёрстве и с другими странами. Надежды на то, что Запад покроет все потребности Тбилиси, оказались идеологически мотивированными и, следовательно, нереалистичными.

В настоящий момент в Грузии происходит противостояние двух идеологических платформ. С одной стороны — сторонники «радикальной европеизации» (“radical Europeanness”) —

люди, убеждённые в том, что у Грузии нет альтернативного пути, кроме как идти в Европу, и только через неё определять свою внешнюю политику. С другой — правительство, которое, возможно, движимо как патриотическими мотивами, так и желанием сохранить власть, выдвинуло концепцию «грузинофилия» (“Georgianness”) — формулу «в Европу с достоинством».

В этом подходе появились новые направления — Китай, Индия, Центральная Азия. Местная элита начала отказываться от тоталитарно-прозападной риторики, осознав суверенитет страны и её ответственность перед собственным населением. Моё участие в сегодняшнем диалоге также отражает потребность в развитии именно этого курса. Грузия смотрит в сторону Азии, и это жизненно необходимо для устойчивой, прагматичной политики, ориентированной на благополучие. Мир за пределами Запада существует и активно развивается. Это не означает отказ от евроатлантической интеграции, но требует переосмысления стратегии.

Важно помнить, что ориентация на Запад изначально была реакцией на геополитический вакуум и конфликт интересов с Москвой, а не религиозной догмой. Сейчас сам факт сомнения в западной гегемонии вызывает недовольство у части западных элит, долго рассматривавших Грузию как зону собственного влияния. Приход к власти Дональда Трампа, несистемного лидера, разрушил прежнее «братство» между Брюсселем и Вашингтоном, оставив ЕС и Грузию один на один. Новая американская администрация, для которой Южный Кавказ не в приоритете, пока лишь наблюдает, анализируя ситуацию с позиции собственных интересов. Поэтому в Тбилиси сейчас с тревогой ждут: какую линию выберет Вашингтон — заключит ли сделку с нынешним правительством или поставит на оппозицию?

Чем завершится грузинская эпопея? Если Дональд Трамп даст Грузии «добро» на углубление связей с Центральной и Южной Азией, курс на многовекторность и прагматизм будет продолжен. Если же Тбилиси будет поставлен перед жёстким ультиматумом, особенно в контексте взаимодействия с Китаем, стране придётся решать — жертвовать ради Запада или нет. Отношения с ЕС же переживают фазу углубляющейся «холодной войны». Впервые за историю независимости Грузии европейские структуры пытаются использовать санкции как инструмент политического давления. Пока что, благодаря сопротивлению таких стран, как Венгрия и Словакия, общеевропейские санкции не введены, но ряд государств уже наложил ограничения на представителей грузинских властей, в том числе на прокуроров и судей.

Цель — добиться отставки правительства и передать власть тем политическим силам, которые готовы следовать геополитической повестке Брюсселя: стратегическому поражению Москвы и вовлечению Грузии в конфликт с Россией, как это сделала Украина. Власть критикуют под лозунгом «защиты демократии», однако наивно думать, что в Грузии когда-либо существовала подлинная демократия или что прозападная оппозиция будет

строить государство, в котором допустимо альтернативное мировоззрение. Это подтверждается множеством решений Европейского суда по правам человека, в которых упоминаются представители оппозиции, допустившие массовые нарушения прав, но по-прежнему поддерживаемые Западом.

Подводя итог. Правительство Грузинской Мечты не является самой демократичной и свободной силой; она также подвержена коррупции и ошибкам, стремлению сохранить и приумножить власть. Однако, она самая адекватная и реалистичная на данный момент, поскольку была вынуждена признать и озвучить мнение, что Грузия должна освободиться не только от советского прошлого, но и от любой формы идеологического тоталитаризма. Будучи политической элитой при власти, она пытается осознать и донести, что главные интересы общества — это не идеологические мифы, а необходимость проводить прагматичную, сбалансированную политику. Такая политика требует активного сотрудничества с Центральной Азией. Термезский диалог — это платформа, на которой Тбилиси может заявить о себе, не как часть Западного мира, а как суверенный игрок на международной арене.

ს. მბემუცაძე